ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ

Валентина Петрова (Чебуксари, Русия)

В современных исследованиях термином *плетение словес* определяется панегирический стиль древнеславянской орнаментальной прозы, представленной в сербской, болгарской и древнерусской книжности ХШ-XV вв.[1] Достаточно долгое время термин *плетение словес* употреблялся только по отношению к болгарским и древнерусским произведениям XIV-XV вв. и традиционно связывался с так называемым вторым южнославянским влиянием и деятельностью Тырновской книжной школы во главе с патриархом Евфимием, само появление этого стиля объяснялось деятельностью патриарха Евфимия и созданной им школы (Радченко, 1898; Орлов, 1945; Лихачев, 1986; Станчев, 1982).

Однако витиеватый, стремящийся к "**лєпотѣ**", с использованием множества синонимов, синонимических рядов, прибегающий к тонкому звуковому оформлению, со ссылками на Священное Писание, стиль Евфимия не был первым образцом такого стиля на славянской почве, поскольку он уже не являлся инновацией в славянских литературах XIV в., он был уже достаточно разработан к тому времени в орнаментальной прозе Иллариона, Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского и в сербской литературе ХШ-XIV вв. в творчестве знаменитых агиографов Доментиана, Феодосия и Данила, первые его образцы даны еще в произведениях Стефана Первовенчанного (Мулич, 1975). Приоритет в создании стиля плетения словес патриарху Евфимию не принадлежит (Талев, 1973, Мулич, 1975, Китч, 1976). Появление и развитие этого стиля в болгарской литературе может быть поставлено в ряд со всей реформаторской деятельностью Евфимия. И в области перевода, и в области орфографии Евфимий не был зачинателем реформы, его деятельность - логическое завершение тех тенденций, которые, будучи общими для всей взантийско-славянской общности, начали проявляться у славян задолго до деятельности Евфимия и были связаны с зарождением

[1] Лихачев, Мулич, Китч, Талев, Матхаузерова, Пиккио и др. Талев этот термин прикладывает ко всей древнеславянской орнаментальной прозе (Талев, 1973). Македонская исследовательница Эмилия Црвенковска определяет этим термином стиль Климента Охридского: "стилот плетение словес бил присутен уште во творештвото на Климент Охридски. ...овој стил бил застапен и во македонските химнографски ракописи уште во периодот од X до ХШ век, со што се побива тезата дека центар на радиација на овој стил во словенската писменост била Трновска школа. Охрид, като център на химнографјата, очигледно континуирано го негувал ваквиот стил во одделни книжовни жанрове, што претставува продолжување на една традиција, византиска, но и постара - античка" (Црвенковска, 1999, с. 140).

предвозрожденческих тенденций (Иванова-Мирчева, 1982, Русев, 1974, Мошин, 1965, Талев, 1973, Китч, 1976; Матхаузерова, 1976). Талантливый писатель, тонко чувствующий слово, теоретик и переврдчик, Евфимий провел завершающий этап реформы: ”деятельность Евфимия была не началом реформы, а вершиной в развитии среднеболгарского языка. Своим авторитетом Евфимий окончательно утвердил начавшуюся гораздо раньше реформу языка, орфографии и перевода. Роль отдельной личности в этом процессе намного меньше, чем влияние исторических условий, влияние времени” (Иванова-Мирчева, 1982, с.19). Стиль патриаарха Евфимия выработан на Афоне, в той общей для православных славян и греков “духовной школе” и опирается на византийские образцы и на стилистические традиции, которые в славянской литературе развивали“ выдающиеся авторы, какими были Климент Охридский, Илларион Киевский, Кирилл Туровский, Доментиан, Феодосий, Данило II” (Мулич, 1975, с.88). Стиль *плетения словес* был сформирован в основных своих особенностях полностью уже в сербской агиографии ХШ в. (Мошин, 1965; Мулич, 1975; Китч, 1976; Бирнбаум, 1975).

Появление этого стиля не было случайным явлением, он возник как отражение определенных объективных обстоятельств и непосредственно связан с предвозрожденческими процессами, характерными для всей византийско-славянской общности: ”Оно развивается в сербской, болгарской, в русской литературе как явление не случайное, а выросшее на почве данных культур” (Матхаузерова, 1976, с. 86).

Появление стиля *плетение словес* на Руси, более, чем южнославянским влиянием, вызвано внутренними процессами, происходившими в Московской Руси. Конец XIV - начало XV вв. отмечен в Византии и в славянских странах глубоким вниманием к античности. И если для Византии обращение к античности - это обращение к собственной античности, то для славян - это тоже обращение к собственной античности; в Болгарии - к золотому веку болгарской литературы, к традициям Кирилла-Мефодия, Климента Охридского, а на Руси - к домонгольской культуре и литературе, к Иллариоу и Кириллу Туровскому. Как подчеркивает Дин Уорт, “и сам термин “второе южнославянское влияние” оказывается неправильным: лингвокультурные явления данного периода в истории русского литературного языка следует считать по преимуществу не столько иноязычными (южнославянскими), сколько автохтонными” (Уорт, 1983, с. 223).

Как указывает Ф. Китч, стиль болгарского *плетения словес* не был таким орнаментальным, и если говорить о возможном внешнем влиянии, то скорее можно говорить влиянии сербском (Китч, 1976, с. 97).

Стиль Епифания Премудрого, в творчестве которого стиль *плетения словес* достиг вершины своего развития в средневековых славянских литературах, прежде всего опирается на традиции древнерусской литературы домонгольского периода.

Традиционно стиль *плетения словес* связывается с мистикико-философским учением исихастов (Лихачев, Прохоров, Станчев, Иванова-Мирчева и др.), но Ф. Китч подчеркивает, что специального исихастского стиля не было, значение исихазма для литературы заключается в том, что исихазм акцентирует внимание на моральной стороне человеческой личности (Китч, 1976, с.95), а Мулич полностью отрицает эту связь: »Pletenije sloves kao stilska manera niposto nije nastala kao odraz i izraz hesihasickoga, mistiko-asketskoga delanja na svijet» (Мулич, 1975, с. 95).

Стиль плетения словес принадлежит «к одному из первых образцов орнаментальной прозы - прозы, представляющей собой особенно интенсивное проявление поэтической речи» (Лихачев, 1986, с. 386). Термин *плетение словес* используется для определения способа организации текста древнеславянской риторической прозы (Лихачев, Мулич, Мошин, Китч, Матхаузерова). «Плетение словес восходит к традиционным классическим энкомиям, а стиль - к византийской церковной поэзии и риторической прозе и имеет своим двойным источником старозаветную поэзию и классическую риторику» (Китч, 1976, с. 238). Мулич также возводит славянский стиль плетения словес к античной греческой риторике и ветхозаветной книжности» (Мулич, 1975, с. 76): »pletenije sloves kao stil hagiografske literature u slovenskim knjizevnostima, posebno u ruskoj i srpskoj, u XIV-XV stolecu nije bilo nikakva novina. Ono nije nista drugo negoli slavenska akomodacija stilistickih principa anticke grcke umjetnicke proze (retoricke) i starozavjetne hebrejske knjizevnosti».

Плетение словес традиционно рассматривается в рамках риторической прозы. При характеристике этого стиля, как правило, подробно перечисляются все формальные приемы, используемые в этом стиле (очень подробная характеристика стиля дана в работах Д. С. Лихачева, В. Мошина, М. Мулича, Ф. Китч, С. Матхаузеровой), причем, как отмечается во всех исследованиях, все эти формальные средства можно найти в литературе более раннего периода, но плетение словес отличается от ранней орнаментальной прозы - новыми были не сами приемы, а способы их использования (Лихачев, 1986; Мулич, 1975; Китч, 1976; Пиккио, 1993; Талев, 1973). *Плетение словес* - способ организации славянской орнаментальной прозы (Матхаузерова, 1976); Мулич рассматривает *плетение словес* как стиль, опирающийся на риторические средства: »…sam pojam pletenija sloves kao stilskago skupa sredstava…», «sve do sada navedene figure (речь идет о риторических

фигурах - В. П.), o kojima je ovde bilo rijeci, u slavenskoj knjizevnosti dobile poseban naziv - izvitije sloves, a ono je sastavni dio pletenija sloves» (Мулич, 1975, с. 17).

Отличную от традиционного определения термина *плетение словес* предлагает Р. Пиккио. Комментируя вступление к «Житию Стефана Пермского» Епифания Премудрого, в частности, традиционную формулу самоуничижения книжника, Пиккио подчеркивает: »Намираме се пред явно осъждане на риториката и на езическото (или елинско) красноречие и едновременно пред ясно изразена възхвала на вдъхновения от Бога книжовник…» (Пиккио, 1993, с. 548). На вопрос: «възможно ли да се схване - както обикновено правят тълкуватели на тази творба - изразът «плетение глагол» като формула, която синтезира начина на писане на Епифаний" Пиккио отвечает отрицательно: »изглежда по-вярно точно обратното. Епифаний в действителност съвсем не възнамерява да използва риторични «плетеници», защото подобен вид изкуство му е чуждо» (Пиккио, 1993, с. 549). Что же значит тогда *плетение словес* в этом контексте? Слово плетение (поскольку Епифаний говорит об Афинах, Платоне, Аристотеле, о древнегреческой риторике) Пиккио связывает с греческими словами, которые можно встретить у Еврипида и Платона. А, слово, которое соответствует плетению, имеет, по Пиккио, «добре документирана отрицателна стойност: у Еврипид …четем в смисъл на изплитане на лъжовна интрига» (Пиккио, 1993, с. 549). Это позволяет Пиккио прийти к выводу о том, что традиционное определение *плетения словес* неправильно. «Би могло да се каже, че това «**плєтєніє словєсъ**», за което говори Епифаний, съвсем не синтезира формалния метод на писане, възприет от автора на Житието, а, напротив, отразява опасността, която трябва да бъде избягната на всяка цена, най-големия възможен литературен грях, т.е. именно онова, което Епифаний съвсем не желае да стори» (Пиккио, 1993, с. 549). Впрочем, Пиккио указывает на то, что если не задуматься над программным заявлением Епифания, а оценивать только стилистическую ткань изложения, можно с полным основанием полагать, «че Епифаний предпочита словесните игри, сложните конструкции, нюансираните от синтактичния контекст рими, т.е. един вид орнаментика, която на практика би могла да бъде окачествена като «**плєтєніє словєсъ**» (Пиккио, 1993, с. 550). Анализируя фрагмент из главы «**Плачєвє и похвала инока списающіа**», Пиккио признает:» Очевидно е, че се намираме пред една изящно изработена риторична плетеница» (Пиккио, 1993, с. 551). «**Хощю принєсти ти хвалоу или сьрдьцємъ, или ꙗзъкомъ, или оумомъ**» - пишет Епифаний в похвальном слове. Порядок следования -**сєрдцє** -**ꙗзъкъ** -**оумъ** для

Пиккио показатель преимущественного положения сердца. «Според реда, в който термините са изказани (даже и да се абстрахираме от връзките с духовната техника на исихазма), предимство на сърцето е неоспоримо. Езикът и умът са също тъй същностни инструменти. Това може да ни наведе на мисълта, че Епифаний, след като е отхвърлил езическата риторика, представена от «*плетение словес*» (възприето като лъжовна игра на невдъхновени риторици), приема една християнска риторика, т.е. не отбягва «плетението», при условие обаче, че сърцето - изворът на свещеното вдъхновение - ще остане водител на езика и ума» (Пиккио, 1993, с. 551).

Интерпретируя слова Епифания в заключении к «Житию Стефана Пермского»: «**Да и азъ, многогрѣшнѡи и неразоумнѡи, послѣдоуѧ словесѣмъ похвалении твоихъ, слово плетоущи и слово плодѧщи, и словомъ почтити мнѧщи, и отъ словесъ похваление събираа и приобрѣтаа и приплѣтаа**…», Пиккио подчеркивает, что разница в значениях формулы «**плетение словесъ**», приведенной Епифанием в начале изложения и использованной в заключении («плетението се отнася имено за словата»), на самом деле кажущаяся, здесь нет никакого противоречия: »агиографът, описвайки сам себе си като онзи, който безрасъдно «преплита словата», без да съумее да достигне истината, като че ли желае да подчертае неподходящия характер на това свое словесно дело. Следователно не сме пред противоречие, а пред подчертаване на суетата на всяко риторично търсене» (Пиккио, 1993, с. 552). Но при этом, по мнению Пиккио, исследователи, которые, основываясь на процитированном высказывании Епифания, «са приписали на формулата «**плетение словесъ**» значението на техническо определение на стила на Епифаний, не трябва да бъдат много строго съдени. Трябва все пак да се подчертаят различните значения, които тази формула придобива в различните контекстове, в които Епифаний я употребява. И би било по-добре занапред да се избягва смесването чрез една толкова съмнителна формула - на идейния и на художествения аспект, с който са свързани орнаментираните стилове както на южнославянски творци като Доментиян и Евтимий, така и на руски като Епифаний Премъдри» (Пиккио, 1993, с. 552).

Обоснованными представляются возражения К. Станчева (Станчев, 1982, с. 697) по поводу интерпретации Пиккио формулы *плетения словес*: »Трудно ми е да се съглася, че в случая с Епифаний Премъдри се намираме «пред явно осъждане на риториката и на езическото (или елинско) красноречие»… Напротив, споменаването на антични ритори и витии, на Платон и Аристотел - според мен - крие и

едно задочно съпоставяне с тях, предопределено в полза на християнския автор, защото неговият труд е боговдъхновен. …не искам да кажа, че Епифаний осъзнато определя своя стил чрез израза *плетение глагол*. Р. Пиккио е прав, че тук той се отнася по-скоро за това, което Епифаний не е научил (поне според него самия) от античните автори. Но от друга страна неведнъж в източноправославна литература (имам предвид и византийската) се декларира «неученост», след като се демонстрира «ученост», т.е. идейно се разграничават от елинската древност, но се учат от нея» (Прохоров, 1982, с. 80). По поводу Епифания об этом же говорит и Г. М. Прохоров: »Епифаний пишет о себе - конечно, риторически-самоуничижительно - как о неуче с точки зрения античной образованности (**аꙁ бо єсмь гроубъ оумомъ и словомъ невежа, хоудъ имѣıа раꙁоумъ и промъıслъ вредооуменъ, не бъıвшоу ми в Аѳинѣхъ отъ оуности, и не наоучихсıа оу философовъ ихъ ни плетениа риторьска, ни вѣтиискъıхъ глаголъ, ни Платоновъıхъ, ни Аристотелевъıхъ бесѣдъ не стıажахъ, ни философиа, ни хитрорѣчиıа не навъıкохъ**…), но широкое использование им восходящих к античности приемов искусства слова показывает, что он прошел хорошую риторическую школу либо в ростовском Затворе, либо у южных славян, либо в Византии у греков» (Прохоров, 1982, с. 80)[2]. Это - общее место самоуничижения книжника, традиционное для славянской литературы.

Формула *плетение словес* у Епифания возникает в контексте похвалы: **или что ти приглашоу, како похвалю, како почтоу, како оублажю, како раꙁложоу, како хвалоу ти съплетоу** (с. 102); **доколе не оставлю похвалению слова, доколе не престаноу предложеного и продлъжного хвалословиа** (с. 111); **послѣдоуıа словесемъ похваленiи твоихъ, слово плетоущи и слово плодıащи, и словом почтити мнıащи, и от словесъ похваление събираа, и приобрѣтаа, и приплѣтаа** (с. 106). Епифаний использует слово **плести** в двух сочетаниях - **плести похвалу** и **плести слово**. Оба сочетания были уже известны в славянской книжности, являясь в ней переводом соответствующих греческих сочетаний (Мулич, 1975, Китч, 1976). В. Чорович в своем исследовании «Силуан и Данило», српски писци XIV-XV вв.» приводит примеры использования славянскими книжниками этих формул: »У служби св. Йовану …налазимо јасно изражену целу мисао: »**словом плетоуще отъ словесъ пѣниа… И Силуан ту фраꙁу воли• За св• Сави рече, како му** «**слова славе съплете**», за Милутина…» **да трьжьствоуемь и слово да плетемъ**» (Чорович, 1929, с. 21). Как указывает Чорович, эта фраза обычна в греческих службах, славянские

переводы соответствуют греческим. Мулич связывает термин *плетение словес* с греческим: »glagol znaci ojvjencati, a isto i kititi, ukrsavati, dati na ukras, pa cvrsto sto zgusnuti, stegnuti i napokon isplesti vijenac. …rijec vjenac (vjencic) dobila znacene - pohvale, koje uostalom nalazimo i u biizantijskoj crkvenoj knjizevnostii, pogotovu u sinaksarskim stihovima u slavu sveciva…» (Мулич, 1975, с. 11). И для древнесербской агиографии эта формула привычна, Мулич цитирует отрывки из «Похвалы Симеону и Савве» и «Жития св. Саввы»: «**похвалами вѣнци почьсти вамь исплєтаюштє**», «**нь єже нъıнıа Стєфану вѣнцє похвалами съплєтати нє лєть єсть**» (Мулич, 1975, с. 12).

По определению С. Матхаузеровой,» Епифаний поднял до высокого художественного уровня *плетение словес*: »**Да и аз •слово плєтоуши и слово плодıаши и словомъ почтити мıаши и отъ словесъ похвалєнıє събıраа, и приобрѣтаа, и приплєтаа**…», так он сам определил свою работу над стилем «Жития Стефана Пермского», подчеркнув метафорическую украшенность и ритмическое богатство стиля» (Мулич, 1975, с. 12). Исследовательница приводит рассуждения русского книжника XVII века Евфимия Чудовского, который связывал термин плетение со словом ирмос и уподоблял *плетение словес* «тканию орнамента и плетению рясны: »яко изряднии и хитрии роукохудожници ткут постави разными виды со цветами, или плетут краеодежнополагаемые рясны златоупещреныя, среброусыпанныя, всякими упещренми ко украшению одежд, к хвале носящих и веселью зрящих, и такоже словес плетение или ткание от творцов полагается иноглаголательне, еже ино что глаголющее, иный разум представляющее» (Матхаузерова, 1976, с. 88).

Высказывания Епифания о собственной грубости, худости и неученості - традиционный топос самоуничижения книжника, в этом нас убеждает и то изощренное мастерство, которое демонстрирует Епифаний во вступительной части к «Житию», где он излагает просьбу к слушателям и читателям о снисхождении, обращение к Богу о даре Слова, сопровождая это собственной уничижительной характеристикой. У Епифания мольба о даровании ему «слова потребна» и просьба, обращенная к слушателям и читателям, облекаются в сложнейшую, изысканную, строго продуманную форму. Тернарный принцип, положенный Епифанием в основу организации текста (Епифаний последовательно применяет троичный принцип - троичный повтор на всех уровнях - начиная с синтагм и заканчивая композиционным уровнем) способствует вертикальному членению текста, что является характерной особенностью текстов стиля *плетение словес*, приближая их к текстам поэтическим. К. Станчев, рассматривая формальные различия между ритмом в ораторской прозе и поэтическим ритмом, указывает,

что изотонизм болгарской ораторской прозы членит текст линейно, в то время как поэтический ритм предполагает вертикальное, парадигматическое сопротивопоставление ритмических единиц, при котором возникает их значение и вообще специфика поэтического текста (Станчев, 1982, с. 61). Тексты, написанные стилем плетение словес, Станчев относит к переходным от прозы к поэзии явлениям: “Разбира се, възможни са и преходни явления, които в България като че ли усилват през XIV в., и появата на явни тенденции към “вертикализиране”, т.е. поетизиране (в терминологическия смисъл) на житийно-панегирически текстове в Евтимиевата школа може да се свърже с изкристализация на стила “плетение словес” (срв. **плєсти гранєса**, **плєсти пєєнє** (Станчев, 1982, с. 162-163), “...определението “плетение словес” вероятно трябва да се свърже с осъзнаване на “вертикализирането” в този смисъл “поетизирането” на ораторските текстове през XIV-XV в. ...” (Станчев, 1993, с. 695). С точки зрения Станчева, наблюдения над балканским материалом показывают, что *плетение словес* последовательно связывается с понятием о стихе, т.е. с поэзией (Станчев, 1993, с. 695). Напомним, что Матхаузерова включает *плетение словес* в общую теорию древнерусского стиха (Матхаузерова, 1976).

Вертикальное членение - проявление поэтического принципа организации текста, свойственного “Житию Стефана Пермского” (вертикальное членение вступления и заключения к “Житию”) (см.: Петрова, 2000). Во вступлении в смысловом отношении выделяются три части. Основная часть - мольба о даре Слова - заключена в рамку, состоящую из формул самоуничижения и просьбы о снисхождении, и представляет собой сложнейшее орнаментальное сооружение с повторением ключевых слов и форм слов, скрепляющих текст. Троичный принцип, положенный в основу организации текста фрагмента, способствует адекватному восприятию этого сложного фрагмента и позволяет уловить основную мысль Епифания - только слово как дар Божии может дать возможность “**понє мало нѣчто написати и похвалити**” его героя. Вступление написано Епифанием с использованием многочисленных риторических средств (вопреки мнению Пиккио: ”тези характеристики (речь идет о традиционно характеризующих стиль *плетения словес* риторических средствах - В. П.), почти заличени във встъплението” (Пиккио, 1993, с. 550), что не позволяет говорить об отталкивании Епифания от традиционной риторики. Напротив, риторическое искусство Епифания проявляется во вступлении очень ярко. “**Аꙁ бо єсмь гроубъ оумомъ и словомъ невѣжа, хоудъ имѣıа раꙁоумъ и промъıслъ вредооуменъ, нє бъıвшоу ми въ Афинѣхъ отъ оуности, и нє научихсıа оу философовъ ихъ ни плєтєниıа риторьска,**

ни вѣтиискъıхъ глаголъ, ни Платоновъıхъ, ни Аристотелевъıхъ бесѣдъ не стıажахъ, ни философиа, ни хитрорѣчиа не навъıкохъ, испроста отиноудь весь недооумѣниа наполниухсıа..."- общее место самоуничижения книжника, в просьбе о снисхождении Епифаний пишет: "**цѡ боудеть ми нѣгдѣ положиласа рѣчь ꙁазорна, или неоустроена, или неоухъıщрена, молю въı о семъ, боголюбцъı, не ꙁазрите ми грубости и не боудите ми ꙁазиратели: не бо от моудрости, но от грубости**" (с.4). Епифаний использует этикетную формулу, традиционную для славянских книжников - "**не ꙁазрите ми грубости и не боудите ми ꙁазиратели**"-, но перечисление пунктов, по которым возможно потенциальное осуждение, показывает, что Епифаний отнюдь не настроен против риторических приемов, он стремится к речи **устроеноїѧ**, и **ухъıщренноїѧ**, **хъıтрорѣчиа не навъıкохъ** Епифания на самом деле оборачивается **устроенноїѧ** и **ухъıщренноїѧ** речью, далекой от **ꙁазорноїѧ**. Для средневековой литературы, традиционалистской по характеру, "понятие "состязания" - ... - одна из важнейших универсалий литературной жизни". В рамках этой литературной традиции "автору для того и дана его индивидуальность, чтобы вечно участвовать в "состязании" со своими предшественниками в рамках жанрового канона", причем, как замечает С. С. Аверинцев, это "состязание с классическими образцами могло быть опосредовано цепочкой промежуточных звеньев, не переставая быть от этого вполне реальным. ... если русский книжник (как Епифаний Премудрый в XIV в.) и не имел перед глазами текстов античных авторов, то он был включен в ситуацию "состязания" со своими предшественниками - отчественными, южнославянскими и византийскими, через поколения которых линия профессионального преемства, не прерываясь, восходит к "витиям" Эллады" (Аверинцев, 1981, с. 4). Уровень риторического искусства Епифания столь высок, что язык его произведений, по определению Китч, требует особого наименования (Китч, 1976). *Плетение словес* и есть наиболее адекватное наименование этого стиля (в традиционном понимании как способа организации речи), представленного в сербской, болгарской и древнерусской агиографии XIII-XV вв.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С.С. Поэтика древнегреческой литературы. - М., 1981.
Иванова-Мирчева Д. Задачи изучения болгарского литературного языка XIII-XIV вв. Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982, с. 5-20.
Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Избранные работы. Т.1. -Л., 1987. - С. 261-654.
Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России //Исследования по древнерусской литературе. М., 1986, с.7-56.
Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова.-Прага, 1976.
Орлов А.С. Древняя русская литература XI-XVII вв. М.-Л.,1945.
Петрова В. Д. Особенности организации текста древнерусской орнаментальной прозы XIV в. // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. - Чебоксары, 2000, с. 272 - 285.
Пикио Р .”Плетение словес”и литературните стилове на православните славяни в епохата на късното Средновековие // ***Пикио Р.*** Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993, с. 531-559.
Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый. Словарь книжников и книжности Древней Руси .//ТОДРЛ,1986.-с.71-98.
Радченко К. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898.
Станчев К. Поетика на старобългарската литература. София, 1982.
Црвенковска Е. Стилот плетение словес во оригиналните дела и во преводите на Климент Охридски // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте. Материалы международной российско-македонской научной конференции. М., 1999. с. 135-143.
В. Чорович. Силуан и Данило II, српски писци. Глас српске кралевске академије. CXXXVI, други разред, 72. Београд, 1929, с. 13-103.
Birnbaum H. The Balcan slavic component of mediavel Russian culture //Mediavel Russian Culture /-Berkerliy-Los Angeles-London, 1984, P. 3-30.
Kitch F. The literary Stile of Epifany Premudryj. - Munhen, 1976.
Mulic M. Srpski izvori “pletenija sloves”. - Sarajevo. 1975.
Talev I. Some problems of the Second South Slavic influence in Russia. - München, 1973.
Worth D. Так называемое “второе южнославянское влияние” в истории русского литературного языка // Международный съезд славистов, 9-ый: Резюме докладов и письменных сообщений. М., 1983, с. 222.

"PLETENIE SLOVES" IN THE OLD SLAVIC LITERATURE

Valentina Petrova

Summary

The term "pletenie sloves" is used for defining the Old Slavic prose of XIII-XV centuries represented in Serbian, Bulgarian and Old Russian literature. Despite the opinion of R.Pikkio the term is advised to be used in the traditional conception. In hagiographies of the Old Russian hagiographer Epiphanij Premudryj this term, as we believe, was used in the comprehension traditional for the Slavic book-learning.